

Е. В. Головнёва
**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ**

В настоящее время исследование проблемы региональной идентичности характеризуется множественностью подходов. Между тем общие концепции региональной идентичности, представленные в философии и культурной/гуманитарной географии,¹ часто не используются для ее характеристики в той степени, в какой это возможно. Необходима теоретическая систематизация аспектов изучения региональной идентичности и разработка рабочего способа ее описания.

Целью данной статьи является рассмотрение региональной идентичности как формы коллективных идей, выделение возможных аспектов ее анализа, значимых для современного понимания этого феномена. В качестве методологического принципа используется принцип дополнительности и системности, в котором проявляется единство специальнаучных и философских подходов к исследованию региональной идентичности. Основными общелогическими методами являются аналитический метод (поскольку выявляются содержательные идеи региональной идентичности) и метод экстраполяции (поскольку концептуальные основания исследования одного объекта применяются к другому, связанному с ним).

Ракурсов рассмотрения региональной идентичности может быть много, и они открываются в процессе анализа информации. Однако сама региональная идентичность долгое время оставалась практически вне поля зрения отечественной социологии, философии, культурологии. Препятствием для ее изучения являлся, с одной стороны, тот факт, что регионы составляли объект исследования скорее географии, чем гуманитарных наук (хотя степень внимания к ним исторически постоянно менялась), с другой стороны, неявно присутствовавшее в гуманитарном научном дискурсе сомнение

в том, что идентичность на региональном уровне может рассматриваться как самостоятельный онтологический феномен. В частности, ее изучение длительное время заслонялось исследованиями этнической идентичности, которая представлялась более мощным образованием. Л. В. Смирнягин отмечает: «Региональная идентичность нередко характеризовалась как явление, производное от этнической, возникающее только там, где этнические идентичности пересекаются на территории и порождают конфликт территориального характера».² Признавая несправедливость такого положения дел, автор, в частности, обращает внимание на то, что региональная идентичность гораздо древнее этнической идентичности. С. Хантингтон же указывал на то, что локальная солидарность всегда значимей общегосударственной, за исключением случаев мобилизации населения против общего врага.³

В настоящее время число исследований, затрагивающих проблему региональной идентичности, постоянно растет (этому способствует, в частности, динамичное развитие гуманитарной географии), и здесь можно выделить несколько линий анализа этого феномена в отечественной и зарубежной литературе.

Прежде всего, отмечается, что в условиях глобализации мира региональные идентичности выступают средством объективации, конструирования и поддержания или подчеркивания различий в рамках социокультурных практик. Как указывает английская исследовательница Джессика Прендергаст, «место (place) является необходимым условием социального существования настолько, что становится практически невозможно отличить “кто мы” от того, “откуда мы”».⁴

С другой стороны, в некоторых работах указывается, что существование региональных идентичностей направлено на усиление целост-

¹ См.: Уваров М. С. Культурная география в культурологической перспективе (научно-аналитический обзор) // Интелрос: <http://www.intelros.ru/readroom/mezhdunarodnyu-zhurnal-issledovaniy-kultury/m42011/17957-kulturnaya-geografiya-v-kulturologicheskoy-perspektive-analiticheskoy-obzor.html>.

Головнёва Елена Валентиновна — к.филос.н., доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

² Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. М., 2007. С. 21–49.

³ См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. С. 635.

⁴ Prendergrast J. G. Regional Identity and Territorial Integrity in Contemporary Russia // A New Russian Heartland? http://www.geog.le.ac.uk/russianheartland/WP01_Regionalism_Marcho4.pdf.

ности государства. Так, Кори Джонсон и Аманда Коулман отмечают, что «наличие разнообразных региональных идентичностей внутри государства-нации важно для реализации его миссии. Так, внутренняя разнородность в пределах одного государства значима при создании *общей цели*, служащей определяющей чертой современного государства».⁵ Высказывается также предположение, что региональная идентичность способствует росту доверия в локальном сообществе и является предпосылкой формирования гражданского общества.

Практика социализации жителей определенных локальных пространств, коллективное сознание позволяют рассуждать о региональной идентичности именно как о социальном феномене.⁶ Вместе с тем невозможно игнорировать фактор сложности социальной структуры региона. Коллективный опыт и коллективные представления у носителей региональной идентичности различаются, поэтому и смысловое наполнение региональной идентичности может быть различным.

Региональная идентичность и географическое пространство

Ряд характеристик региональной идентичности (и ее отличие от других форм коллективных представлений) получает адекватное определение прежде всего на основе ее осмысления как отражения пространства со всеми его природно-географическими и историко-культурными реалиями. В этой связи сам термин «географическое пространство» нуждается в особом рассмотрении.

С одной стороны, в современных гуманитарных и естественнонаучных исследованиях онтологический статус пространства часто ставится под сомнение. Так, Энтони Гидденс замечает, что новые возможности для взаимодействия с «отсутствующими другими» свели значение фактора пространства до нуля.⁷ С другой стороны, некоторые исследователи отмечают «поворот к пространству»,⁸ прини-

мая во внимание тот факт, что географическое пространство мыслится как неоднородная, многослойная структура.

Постмодернистский дискурс призван разрушить модернистское понимание пространства. Н. Бреннер пишет: «Традиционные евклидовы, картезианские представления о географическом пространстве как зафиксированном, прочном, самоочевидном и априорно данном в настоящее время пересматриваются, по крайней мере, в критической географической теории. Продуктивный акцент делается на процессе эволюции, динамике и социально-политическом содержании».⁹ По выражению Д. Н. Замятина, территориальная идентичность в постмодернистской трактовке оказывается «бриколажем» (термин Леви-Стросса) географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени, т. е. говорить «об устойчивой, истинной, верной в последней инстанции территориальной идентичности здесь не приходится».¹⁰ Для определения географического пространства культурная география предлагает использовать понятие гетеротопии Мишеля Фуко. Гетеротопия — пространство, репрезентируемое различными образами мест, часто не совместимыми друг с другом.¹¹

Финский географ А. Пааси утверждает, что регионы должны рассматриваться как *социальные конструкты*, как результат, продукт «исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и наделяют значениями более или менее связанные материальные и символические миры».¹² Именно с этих позиций регионы и могут быть определены, по-разному интерпретированы, оспорены (*contested*). Значит, конструирование и институционализация регионов и региональной идентичности — это *социальные* процессы.

Данная позиция оспаривается в рамках так называемого антиконструктивистского подхода, исходящего из того, что региональная идентичность складывается в сознании граждан стихийно, под воздействием среды обита-

⁵ Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1, № 2. С. 108.

⁶ См.: Zimmerbauer K. From Image to Identity: Building Regions by Place Promotion // European Planning Studies. 2011. Vol. 19, № 2. P. 245, 246.

⁷ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 83.

⁸ Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 34–49.

⁹ Brenner N. The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25, № 4. P. 591–614.

¹⁰ Замятин Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. М., 2011. С. 198.

¹¹ Там же. С. 200.

¹² Paasi A. Place and Region: Regional worlds and words // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26, № 6. P. 804.

ния и событий общей истории. Д. С. Докучаев отмечает, что «онтологический статус региона как аналога “особого мира” определяет существенную характеристику региональной идентичности, которая в широком смысле может быть сведена к осознанию человеком своей принадлежности к части Мира — региону».¹³ В этой концепции регион рассматривается как специфическая пространственно ограниченная единица.

Важным моментом здесь оказывается «масштаб», или границы, той территориальной общности, к которой индивид чувствует свою причастность: это может быть ограниченная территория (город, село, область) или значительно более широкое пространство (Россия, СНГ, а для некоторых респондентов («имперцев», «державников») — все еще СССР). «Многое зависит от условий социализации и положения (не только социального, но и географического) конкретного индивида».¹⁴ Российский географ М. Крылов отмечает, что формирование регионов объясняется «социокультурным выбором жителей соответствующих территорий»,¹⁵ поэтому одна и та же территория может быть интерпретирована по-разному. Так, регионом может быть и крупный город, и административно-территориальная единица, и совокупность административно-территориальных единиц или историко-культурное пространство. Академик В. А. Тишков подчеркивает, что границы локальных пространств очень размыты и пересекаются между собой, но «они есть в коллективном, групповом сознании и нередко специально, прямо или косвенно, поддерживаются и закрепляются в общественном сознании заинтересованными в их сохранении местными элитами».¹⁶

Можно согласиться с тем, что региональная идентичность в современных условиях по большей части конструируется политическими элитами, однако это конструирование обусловлено существующими культурными, этническими и лингвистическими различия-

ми регионов.¹⁷ По замечанию Л. В. Смирнягина, «идентичность существует, как существует и подобный ареал, — просто уже в силу того, что общественный человек всегда располагает свои социальные взаимодействия в конкретном окружающем пространстве, притом чаще всего в слитном и целостном, поддающемся опознанию как нечто целостное и наделенное свойствами».¹⁸

Для понимания региональной идентичности оказывается важным не географическое пространство само по себе, а *чувство пространства*, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций. Здесь актуальным для описания региональной идентичности оказывается понятие «географические образы», т. е. по определению Д. Н. Замятина, «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)».¹⁹ Линии возможного анализа использования пространственно-географических образов для развития территориальных сообществ, прежде всего республик и государств, были исчерпывающе представлены в отечественных гуманитарных исследованиях.²⁰

По-видимому, в настоящее время можно говорить о двух уровнях существования и анализа региональной идентичности.

Первый уровень связан с пониманием регионального сообщества как целостной и культурно-самобытной группы (с такими характеристиками, как укорененность, наличие своей культуры, языка, сакральных мест и мифов), занимающей четко обозначенное место в географическом пространстве (так называемая локальная идентичность на уровне села, района, малых городов и т. п.). Е. В. Морозова и Е. В. Улько выделяют следующие ее измерения: идентификации с малой родиной, с особенностями ландшафта и климата, со значимыми историко-культурными событиями, с выдающимися людьми, с экономической специализацией территорий и уровнем социально-экономического развития, с особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения.²¹

¹³ Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: Автореф. ... канд. филос. наук. Иваново, 2011. С. 3.

¹⁴ Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. С. 94–101.

¹⁵ Крылов М. П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос. 2005. № 1(46). С. 285.

¹⁶ Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 1: Образы российских республик в интернете. М., 2009. С. 27.

¹⁷ См.: Prendergrast J. G. Op. cit. P. 15.

¹⁸ Смирнягин Л. В. Указ. соч. С. 29.

¹⁹ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. С. 92.

²⁰ См., напр.: Малькова В. К., Тишков В. А. Указ. соч.

²¹ См.: Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Журнал Политекс — политическая экспертиза: <http://www.politex.info/content/view/509/30/>.

Второй уровень анализа региональной идентичности связан с пониманием пространства как постоянно изменяющегося, «ветвящегося», многослойного феномена (что наблюдается, к примеру, на уровне мегагородов). Так, в границах мегаполиса можно выделить архитектурное, топографическое, визуальное, социокультурное, символическое пространство. Такое пространство сродни ризоматической структуре, описанной Ж. Делезом и Ф. Гваттари.²² Современный крупный город может включать в себя в качестве самостоятельных городских форм образы города-офиса, города-завода, города-музея, города-гипермаркета и т. п. Каждый образ отражает определенный вид реальности. Можно отчетливо выделить, например, наличие виртуальной реальности в пространстве мегаполиса, которая представлена на его сайте в интернете. Образы, через которые определяют себя люди, проживающие в данном пространстве, постоянно меняются.²³

Таким образом, в разделении двух уровней существования региональной идентичности намечается «бинарная оппозиция “место — пространство”», в которой концепт места соотносится с территориальной определенностью, зафиксированностью, освоенностью, четким масштабированием, тогда как концепт пространства «ориентирован... на территориальную неопределенность, отсутствие четких территориальных границ, неосвоенность и малоосвоенность».²⁴

Региональная и этническая идентичность

Итак, при формировании региональной идентичности особое внимание уделяется географическому пространству. При этом наиболее значимыми академик В. А. Тишков считает такие географические маркеры, как типичный природный и культурный ландшафт (степь, тундра, горы, городской профиль, инженерные сооружения и т. д.), наиболее известные памятники природного и культурного наследия, исторические и политические события, связанные с географическими объектами, нанесенными на карте, знаменитые люди, чья биография и деятельность связаны с геогра-

фическими объектами.²⁵ В той или иной комбинации эти факторы рассматриваются в качестве основы формирования региональной идентичности и другими исследователями.²⁶

Помимо важности территориального/географического фактора в определении региональной идентичности, аспекты содержания этого понятия высвечиваются в сопоставлении с другими, близкими по смыслу, понятиями, прежде всего с этнической идентичностью.

Некоторые особенности являются общими как для этнической, так и для региональной идентичности. Обе они опираются во многом на социальные мифы об особых качествах местообитания; их выраженность во многом зависит от наличия и поддержания коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм; они выражаются в конструировании их носителями неких самообразов, а также в создании специфических черт быта (одежды, словаря, кухни и т. п.).²⁷

В отличие от этнической идентичности, региональная идентичность часто существует в скрытой форме: исследователю приходится «извлекать» ее из общественного сознания путем опросов, изучения деятельности средств массовой информации, анализа исторических источников и т. п. Она характеризуется мозаичностью, синкретичностью, неоднородностью, поскольку определяется множеством социальных субъектов; часто проявляет себя как ситуативный феномен. Но в моменты кризиса глобальной культуры (например, в отсутствие национальной идеи) именно на уровне региона могут возникать для сообществ конкретные идентификаторы. Можно согласиться с тем, что “чувство места” покоится на представлениях о стабильности и является источником непроблемной идентичности».²⁸

Для региональной идентичности, как и для этнической, важна оппозиция «свой — чужой», причем объектами для сопоставления могут служить как другие региональные системы, так и системы вышестоящего уровня, а также ре-

²⁵ См.: Малькова В. К., Тишков В. А. Указ. соч. С. 53.

²⁶ См., напр.: Гончарик А. А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. М., 2011. С. 220, 221; Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003. С. 33–37.

²⁷ См.: Смирнягин Л. В. Указ. соч. С. 30, 31.

²⁸ Симонова В. Методологические локусы культурных ландшафтов // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск, 2006. С. 18.

²² См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М., 2009.

²³ См.: Головнёва Е. В. Город-миф и город-коллаж: Образы моделирования городского пространства // Культурология XXI века: теория и практика. Екатеринбург, 2011. С. 85.

²⁴ Замятин Д. Н. Идентичность и территория... С. 197.

альное и/или воображаемое прошлое, настоящее и будущее самого региона.²⁹

Кори Джонсон и Аманда Коулман, следуя концепции внутреннего ориентализма, определяют идею внутреннего «Другого» как намеренное позиционирование региона как отличающегося от остальных, противостоящего национальным нормам и ценностям.³⁰ С географической точки зрения конструирование идентичности в определенном масштабе (государство-нация) предполагает, что внутренний «Другой» может быть столь же важен, сколь и внешний, и, как следствие, формирование идентичности на любом уровне, в любом масштабе предполагает обособление «Другого».³¹ Под внутренним «Другим» могут пониматься гипотетические ценности, воображаемые коллективные идентичности, локализованные в нем, или историческая идентичность, от которой необходимо дистанцироваться. «Хотя возможность сконструировать групповую идентичность без “Другого” существует, его наличие оказывается полезным для формирования уникальных черт... идентичности».³²

Конституирующей основой региональной идентичности являются локальные мифы, без которых невозможно ее формирование и воспроизводство. Типичными слагаемыми локальных мифологий являются мифы о происхождении/основании места, его знаковых личностях (культурных героях), о славном историческом прошлом региона, его сакральных местах и т. п. Они актуализируются и воспроизводятся в различного рода коммуникациях (например, в суждениях «Москва — это единственное место в стране, где только и можно жить по-человечески» или «Петербург — это культурная столица России, город, сохранивший ауру интеллигентности, в отличие от бюрократической и хамской Москвы»³³). В региональной идентичности востребованы такие мифологические приемы, как сакрализация, т. е. вывод за рамки повседневности каких-либо сфер деятельности или персон; проведение параллелей с эпизодами «славного прошлого»; поиск выдающихся земляков-героев, иногда непосредственно не связанных с регионом, а также обретение «свя-

тых покровителей», культивирование религиозных ценностей и т. п. Мифологемы такого рода становятся неотъемлемой частью региональной идентичности и поиска имиджа региона как условия повышения его статуса.

Таким образом, по форме существования этническая и региональная идентичности пересекаются во многих аспектах; различие же касается их содержательного наполнения. Региональная идентичность в качестве основного фокуса, объекта отражения имеет географически фиксируемую локальность. Как одна из форм коллективной идентичности, она включает в себя систему представлений, символов, ассоциаций, мифов, связанных с восприятием конкретной территории. Региональную идентичность можно определить как *коллективно создаваемый дискурс, лежащий на пересечении географических координат и воображаемой локальности*.

Аспекты анализа уральской идентичности

Способы воображения и представления географического пространства отражаются, в частности, в воспроизводстве одного из наиболее распространенных мифов в российском социокультурном пространстве — мифа об уральской идентичности. Он выражается в том, что существуют некоторые общие характерологические особенности (способы рассуждения, поведенческие реакции, общие жизненные стратегии и ориентации, языковые практики), типичные для представителей уральской региональной культуры. На уровне обыденного сознания это выражается в воспроизводстве авто- и гетеростереотипов (например, в суждениях о том, что главными чертами уральского характера являются терпение, дополненное упорством, суровостью, прямотушием и детской наивностью, и вместе с тем «цепкость» и предприимчивость).

На уровне идеологии суждения о региональной идентичности систематизируются, приобретают определенность, обрастают «эмпирической базой» (как в случае частого употребления фразы «Урал — опорный край державы, ее добытчик и кузнец», нередко выступающей средством легитимации идеологических целей, или идеологемы «Хребет России», выражающей идею объединения на Урале Европы и Азии).

На уровне философско-теоретического и художественного сознания суждения об уральской идентичности дополнительно поддержи-

²⁹ См.: Докучаев Д. С. Указ. соч. С. 4.

³⁰ См.: Джонсон К., Коулман А. Указ. соч. С. 108.

³¹ Там же. С. 110.

³² Там же.

³³ Вендина О. И. Московская идентичность или идентичность москвичей // Изв. РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 28.

ваются системой объяснений и обоснований, в которых устанавливается ее связь с особенностями региональной культуры и истории. В этом смысле особый интерес представляет исследование об «уральской матрице» писателя А. Иванова, где выделенные им черты — «преображение», «место встречи», «труд», «неволя» — точно характеризуют особенности уральской идентичности.³⁴

Перечислим основные способы актуальных дискурсивных построений, обеспечивающих определенное «волновое» представление об уральской идентичности и формирующих логику рассуждений при ее изучении.

Во-первых, это рассмотрение Урала сквозь призму различных пространственно-географических образов и поиск среди них ярких и оригинальных, определяющих своеобразие уральской территории.³⁵ К ним можно отнести образ «Каменного пояса» (Урал «перепоясывает» Россию, присоединяя переселенческую Сибирь к Европейской части); образ «горнопромышленной территории», где, по наблюдению А. Иванова, основными ценностями стали «работа» и «собственное дело»; образ «уральской цивилизации» со своей системой ориентиров, отличных от среднероссийских (здесь очень актуален «миф преодоления»); образ «страны мастеров и самоцветов» (П. Бажов) и т. д. В рамках «уральской матрицы» складываются свои модели построения идентичности. Так, регионами Урала конструируются собственные региональные и оригинальные пространственно-географические образы.³⁶

Во-вторых, это выстраивание отношений в системе «свое — другое», отношений внутреннего ориентализма и обособление «Другого». Эти отношения принимают на Урале прежде всего характер «метрополия — колония». В экономическом отношении сохраняется восприятие Урала как колонии, являющейся для метрополии источником сырья, рынком сбыта, сферой приложения капитала, источником дешевой рабочей силы. Индустриальный Урал противопоставляется постиндустриальной Москве. В ментальном плане это выражается в сохранении провинциального самоощущения,

подкрепленного отсутствием конкурентноспособного имиджа региона в условиях информационного общества.

В качестве основы самоопределения Уральского региона по отношению к «Другому» выступают как события его исторического прошлого, от которого необходимо дистанцироваться (например, факт расстрела царской семьи, история Урала как история заводов и др.), так и образы будущего, желаемого. Как утверждал М. Фуко, нереальные, утопические пространства в коллективных представлениях ничуть не менее значимы, чем пространства реальные.

В-третьих, важное место в конструировании уральской идентичности в эпоху постмодерна начинают занимать телесные практики как мощные технологии закрепления и преобразования памяти (уральское кино, фотография, интернет-сайты, визуальные искусства, в том числе характерное для Урала искусство нетрадиционных форм, в частности уральский рок, знаменитые коллективы contemporary dance, биеннале современного искусства, программа ГЦСИ public art и многое другое). В рамках этих практик создается образ Урала как разностороннего пространства, способного аккумулировать и интегрировать творческую энергию.

Перечисленные дискурсы отличаются на бытовом и профессиональном уровне, в представлениях обывателей и в декларациях политической элиты. Они присутствуют в разработке имиджевых стратегий, поиске бренда Урала, который ёмко смог бы представлять региональное пространство. Роль места для идентичности провоцирует борьбу за контроль над пространством, а инструментом освоения и присвоения властью пространства выступают как раз его культурно-географические образы. Говоря о процессе накопления больших и малых образов, имидж-брендов Урала, антрополог А. В. Головнёв метафорично определяет их как «гору самоцветов», сотворенных самими уральцами, и добавляет к этому образу новые запоминающиеся краски в виде характеристики Урала как «этноперекрестка», «места уединения-укрытия», места «воли и предприимчивости».³⁷

По-видимому, основным вопросом в формировании уральской идентичности остается вопрос о том, как создать и поддерживать достаточно автономные дискурсы по поводу

³⁴ Иванов А. Хребет России. СПб., 2010. С. 131, 153.

³⁵ Гостиева М. А. Морфология геокультурных образов в репрезентации региона // Архитектон: известия вузов: http://archvuz.ru/2012_22/99.

³⁶ См.: Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-179008.html>.

³⁷ Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 47, 48.

специфики Урала, как обеспечить их «мирное сосуществование», как все-таки идентифицировать уникальность Уральского региона и дистанцировать его от других территорий.

В настоящее время в плане научного изучения фокус исследования локальной идентичности постепенно смещается с описания конкретных ее проявлений (мифов, «сакральных мест», пространственно-географических образов, визуальных репрезентаций) к попытке зафиксировать механизмы ее существования и воспроизводства (феноменология восприятия пространства, воображение, память, ностальгия, меланхолия и т. п.), что представляет собой особую сложность для исследователей. Здесь обнаруживаются пределы роста фактических описаний, и здесь могут быть полезны идеи о коллективной идентичности в духе концепций западных мыслителей Б. Андерсона, Мерло-Понти, М. Фуко.

Сегодня в анализе конкретных локальных идентичностей (в частности, уральской идентичности) исследователи, как мне ка-

жется, в основном идут от понятия «локальное», «территориальное», «региональное». Это вполне обоснованно, учитывая концептуальную роль «локальности» в региональной идентичности, но пространство является не просто местоположением вещей, но и системой коллективных представлений. В этой связи эвристически перспективно взаимодействие традиции изучения региональной идентичности с исследованиями, идущими от идеи «коллективной идентичности», «ментального пространства», т. е. с направлениями даже не культурологического, а философско-антропологического плана. Именно в этой перспективе можно увидеть значение культурных региональных объектов не только как материальных феноменов, но и, в первую очередь, как объектов отношений людей, их ассоциаций, воспоминаний, надежд, желаний (очень подвижных и изменчивых во времени). И именно здесь возникает основание для кросс-дисциплинарного изучения региональной идентичности.

Ключевые слова: *региональная идентичность, региональное пространство, регион, уральская идентичность*

Elena V. Golovneva

Candidate of Philosophical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

REGIONAL IDENTITY: THEORETICAL RESEARCH ASPECTS

The paper deals with the study of the regional identity as a form of collective identity, the analysis of the main approaches to this subject in the modern Russian and foreign humanitarian studies, as well as the levels of the regional identity analysis in contemporary scientific discourse. A particular attention is being paid to understanding of interdependence between the regional identity and the geographic territory, the relationship between the regional and the ethnic identity, the identification of the Ural identity discourse practices.

Key words: *regional identity, regional space, region, Ural identity*

REFERENCES

Brenner N. Progress in Human Geography, 2001, Vol. 25, № 4, pp. 591–614. (in English).

Delez Zh., Gvattari F. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 261 p. (in Russ.).

Dokuchaev D. S. *Regionalnaya identichnost rossiyskogo cheloveka v sovremennykh usloviyakh: sotsialno-filosofskiy analiz: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk* (Regional identity of the Russian people in modern terms: social and philosophical analysis: summary of the thesis for the degree of Candidate of Philosophical Sciences). Ivanovo, 2011, 24 p. (in Russ.).

Dzhonson K., Koulman A. *Kulturnaya i gumanitarnaya geografiya* (Cultural and humanitarian geography), 2012, Vol. 1, № 2, pp. 107–125. (in Russ.).

- Giddens E. Moscow: Ves mir, 2004, 120 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2011, № 2 (31), pp. 40–49. (in Russ.).
- Golovneva E. V. *Kulturologiya XXI veka: teoriya i praktika: sb. nauch. tr.* (XXI Century cultural studies: theory and practice: collected papers). Ekaterinburg: FGAO VPO UrFU, 2011, pp. 80–88. (in Russ.).
- Goncharik A. A. *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza: sb. nauch. tr.* (Identity as a matter of policy analysis: collected papers). Moscow: IMEMO RAN, pp. 219–224. (in Russ.).
- Gostyaeva M. A. Available at: http://archvus.ru/2012_22/99. (accessed 15 April 2013). (in Russ.).
- Ivanov A. St. Petersburg: “Azbuka-klassika”, 2010, 272 p. (in Russ.).
- Khantington S. Moscow: AST, 2008, 635 p. (in Russ.).
- Krylov M. P. *Logos* (Logos), 2005, № 1 (46), pp. 277–289. (in Russ.).
- Malkova V. K., Tishkov V. A. Moscow: IEA RAN, 2009, Book 1, 147 p. (in Russ.).
- Morozova Ye. V., Ulko Ye. V. Available at: <http://www.politex.info/content/view/509/30/>. (accessed 15 April 2013). (in Russ.).
- Murzina I. Ya. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2003, 205 p. (in Russ.).
- Nazukina M. V., Podvintsev O. B. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-179008.html>. (accessed 15 April 2013). (in Russ.).
- Paasi A. *Progress in Human Geography*, 2002, Vol. 26, № 6, pp. 802–811. (in English).
- Prendergrast J. G. Available at: http://www.geog.le.ac.uk/russianheartland/WP01_Regionalism_March04.pdf. (accessed 15 April 2013). (in English).
- Shmatko N. A., Kachanov Yu. L. *Sotsis* (Sociological researches), 1998, № 4, pp. 94–101. (in Russ.).
- Simonova V. *Aginskaya street, tanets s ognem i alyuminievye strely: prisvoenie kulturnykh landshaftov: sb. nauch. tr.* (Aginskaya street, dance with fire and aluminum arrows: appropriation of cultural landscapes: collected papers). Khabarovsk: DVO RAN, 2006, pp. 9–22. (in Russ.).
- Smirnyagin L. V. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran* (Issues of economic and political geography of foreign countries). Moscow, 2007, Issue 17, pp. 21–49 (in Russ.).
- Trubina Ye. G. *Politicheskaya kontseptologiya* (Political conceptology), 2011, № 4, pp. 34–49. (in Russ.).
- Uvarov M. S. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/mezhdunarodnyy-zhurnal-issledovaniy-kultury/m42011/17957-kulturnaya-geografiya-v-kulturologicheskoy-perspektive-analiticheskiy-obzor.html>. (accessed 15 April 2013). (in Russ.).
- Vendina O. I. *Izvestiya RAN* (Proceedings of the RASciences), 2012, № 5, pp. 27–39. (in Russ.).
- Zamyatin D. N. *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza: sb. nauch. tr.* (Identity as a matter of policy analysis: collected papers). Moscow: IMEMO RAN, pp. 186–203. (in Russ.).
- Zamyatin D. N. Moscow: Znack, 2006, 488 p. (in Russ.).
- Zimmerbauer K. *European Planning Studies*, 2011, Vol. 19, № 2, pp. 243–260. (in English).